

Мне совершенно неизвестно, откуда мог узнать Василий Раков об уходе группы в лес, несмотря на то, что он пользовался моим уважением как комсомолец... Василий попросил, чтобы его не оставляли, что ему известно, что мы уходим в партизаны... Карпекин дал ему разрешение уйти в направлении Маковья, он тут же ушел. Взрыв депо Раков видел, но у него оставались в деревне Ивановка жена и родители. После отдыха в лесу утром из моей группы мы не досчитались двоих – Алексея (фамилии не помню) и Василия Ракова – он бежал домой, но перед этим доложил шефу Шраю, что депо взорвал Пильников, что он видел меня в лесу.

Судьба его сложилась незавидно. Позже мы узнали, что было арестовано много невинных людей, что на самолетах из Минска прилетела комиссия для расследования взрыва, что по ее указанию все были освобождены. Немцы, работавшие в депо, в том числе и Шрай, были арестованы и отправлены в Берлин.

Оставшиеся в тылу врага люди были вынуждены добывать себе кусок хлеба, кормить семьи, но они не предавали нас, комсомольцев, выручали нас от беды. Это были настоящие советские люди. Вот они: Гришенков Филипп – он мог выдать меня при первом минировании, но он этого не сделал; Бедненко Иосиф, его жена Ольга Филипповна, дети Нина и Галина; Безбабич Анастасия Сидоровна, ее сыновья Николай и Виктор; Езерская Дарья Михайловна и ее сын Валентин; Лебедев Иван Федорович и его семья; Василий Сакович и его жена – я у них питался и скрывался от полиции. В период моей работы в паровозном депо там работали Ильяшенко Моисей Константинович, Стряпченко Александр Григорьевич, Андрей Улазовский, Степан Числов – все они видели, чем я занимаюсь, но никому никогда не доносили.

Неоценимую помощь нам оказывала семья Ивановых – Нина и ее мать Мария Алексеевна, которая работала уборщицей в немецком госпитале. Мы от них получали сведения, но самое главное то, что мы из этого госпиталя получали почти все медикаменты. Такую же помощь нам оказывала

Вера Малахова. Как разведчицы Мария Репчинская и Мария Дедкова выполнили свой долг до конца, они всегда предупреждали нас об опасности. О матери Василия Карпенко следует сказать особо – она воспитала семью патриотов. Ее младший сын Василий бесстрашно выполнил на Кричевщине все боевые задания подполья...

*Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь.
Ф.1394. Воп. 1. Спр. 23. Л. 98–103.*

Падрыхтавала да друку Л.У. Ляховіч.

З успамінаў В.С.Талкачовай (Сянчыла), удзельніцы Крычаўскага падполля

По заданию партизанского отряда моя сестра Мария устроилась работать в городскую управу, которая располагалась в здании почты. Она сопровождала военнопленных в отряды, распространяла советские листовки, которые получала из отряда, а также написанные от руки. Их писала я, хотя это и было очень опасно... Такие листовки вынуждены были распространять не в своем городе, а где-нибудь в других районах. Для этого было нужно найти таких людей, которые не вызывали бы подозрения, появляясь в других районах. Вот таким образом через Кулешова Николая, который часто посещал наш дом, произошло

М.С. Талкачова (злева), В.С. Сянчыла.

знакомство с московскими артистами Лужениным Геннадием Павловичем и Окаемовым Александром Ивановичем в нашем доме... Они ездили выступать как артисты в другие районы (Чериков, Славгород, Краснополье и др.). Это было очень важно в деле распространения листовок и сборе разных сведений.

Продвижение наших войск наносил на карту Кулешов... У него был географический атлас небольшого размера, как записная книжка... и когда Кулешов делал набросок, я потом копировала его и распространяла вместе с листовками.

Мария ездила на велосипеде или ходила и относила собранные сведения в договоренные места — Комаровку и Ботвиновку.

Помню одну учительницу, у которой она иногда останавливалась — это Лашкевич Дарья.

Основными моими обязанностями было сохранить эти листовки и сведения...

Пока не было 2 года ребенку, я нигде не работала. Потом меня вызвали в рабочее бюро и заставляли пойти работать бухгалтером, но я отказалась... За это меня отправили резать дрова, потом гоняли чистить уборные. Это все было в наказание, но зато для меня была возможность расклеивать листовки на дверях комедатуры и полевой жандармерии.

...Сестра мне сказала, что нужно быть поосторожнее... сделать так, чтобы обо мне никто не знал, что если кто придет, так погибнет она одна... Она говорила, что ей не так важно жить или умереть, а у меня дети останутся.

...Дудин Николай, который работал в СД с бывшим судьей Макаренко, которому верили как коммунисту, однажды сделал предупреждение о том, чтобы мы были осторожны с Макаренко, так как он оказался не нашим. Это предупреждение было сделано незадолго до ареста группы с артистами.

Арест этой группы был зимой 1943 г., точно уж не помню, а нам пришлось еще поработать до 1 августа 1943 г., причем в очень опасной обстановке.

Сестра не один раз просила, чтобы ей разрешили пойти в отряд, так как она виде-

ла уже обстановку, но ей не разрешили, сказали, что она очень нужна здесь, чтоб она собрала нужные сведения по последнему заданию, а потом ей разрешат уйти.

Так и не пришлось ей спастись. Находилась она в Кричеве 7 дней, на 8-й день ее увезли в Рославль, где и казнили — выкололи глаза, выломали руки, облили бензином и сожгли... в Кричеве ее очень били...

*Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь.
Ф. 1394. Воп. 1. Спр. 23. Л. 123.*

Падрыхтавала да друку Л.У. Ляховіч.

З успамінаў В.І. Дварачэнкі, удзельніка Бацьвінаўскай падпольнай групы

Осенью 1941 г. ко мне постучались в окно два человека. Когда зашли в дом, я узнал Венгера, а другого я не знал. Это был Реутский Кузьма Андреевич. Венгера я знал хорошо. Когда я работал в НКВД, то всегда он, будучи в деревне Комаровке, заезжал к нам, а затем работал в школе. После этого Реутский и Венгер заходили ко мне часто и я выполнял их задания...

В мае или июне месяце 1942 г. ко мне в дом пришел один Реутский. Я у него спросил, а где же Венгер. Реутский мне ответил, что Венгер погиб при переходе р. Сож и показал мне его наган... И я узнал, что это наган Венгера, потому что я ранее его чистил.

Полицейские и староста дер. Комаровка, видимо, догадывались о моей связи с подпольщиками и всячески меня прижимали морально и материально.

Зуёков Макар меня крепко избил прямо на вечеринке. Я об этом рассказал Реутскому. Через некоторое время ко мне зашел Реутский и сказал, чтобы я явился в деревню Ботвиновку к Раковскому Игорю, и нас обоих заберут в партизанский отряд...

На второй день староста Ботвиновки (фамилии его не помню, а по кличке «Белый», может это и фамилия была) меня и Игоря Раковского ночью отвел в лес, где в это время ожидали нас партизаны. Как я позднее узнал, это были товарищи из десантной группы «Кочубей». С этой группой мы направились в Климовичский лес, за реку